

*Наша память хранит с малолетства
веселое имя: Пушкин.*

*Это имя, этот звук наполняет собою
многие дни нашей жизни.*

Александр Блок

*Так дуновенья бурь земных
И нас нечаянно касались...*

А. С. Пушкин

Удивительными людьми дер-
жится мир, его история, его
культура. Удивительные люди
встречаются не часто, но все-
таки встречаются, и от общения с
ними, от их присутствия в нашей
жизни хочется жить, работать,
держаться, верить, тратить себя пол-
ней и целесообразней. Одним из
таких удивительных людей XX
века был легендарный директор
музея-заповедника А.С.Пушкина в
Михайловском Семен Степанович
Гейченко.

Он был не только выдающийся,
уникальный музейных дел мастер,
искусствовед и просветитель, но и
ни на кого не похожий удивитель-
ный рассказчик. Даже великий
мастер слова Ираклий Луарсабо-
вич Андроников не раз говорил,
что лучше Гейченко о Пушкине и
его времени никто не расскажет.
Особой прелестью обладали его
рассказы не на публике, а в домаш-
нем кругу. Мне посчастливилось в
этом кругу его слушать.

Много лет назад, в один из чуд-
ных летних вечеров за самоваром
на веранде домика в Михайлов-
ском, закончив свой новый устный
рассказ о Пушкине и его друзьях-

товарищах, он спросил меня: «А
знаете ли вы о той крайне сложной
и необычайной эпохе, в которой
жил и творил поэт?» (У Семена
Степановича часто беседы начи-
нались или даже заканчивались
вопросом: «А знаете ли вы?»)
Конечно, что-то я знал, но не было
четкой связи событий, полноты
их картины, не было осмысления
тех изгибов исторических про-
цессов, которые в конечном счете
сказались на судьбе Пушкина,
на судьбах лицеистов. По совету
С.С.Гейченко стал читать и перечи-
тывать публикации замечательных
ученых, писателей, исследовате-
лей творчества Пушкина –
М.А. Цявловского, Д.Д. Благого,
Б.В. Томашевского, Ю.М. Лотмана,
Ю.Н. Тынянова, историка акаде-
мика АН СССР М.В. Нечкиной,
самого С.С. Гейченко И хотел бы
поделиться с читателями тем, что
запомнил, вспомнил, узнал, понял,
сопоставил. Тем более, что у чита-
телей в процессе чтения этого
очерка должны возникнуть некото-
рые ассоциации с нынешним
временем.

В редкую эпоху личная судь-
ба человека бывает так тесно свя-

зана с историческими событиями – судьбами государств и народов, – как в годы жизни А.С. Пушкина. В 1831 году в стихотворении, посвященном лицейской годовщине, Пушкин писал:

Давно ль друзья...

но двадцать лет

Тому прошло; и что же вижу?

Того царя в живых уж нет;

Мы жгли Москву;

был плен Парижу;

Угас в тюрьме Наполеон;

Воскресла греков древних слава;

С престола пал другой Бурбон.

Ни в одном из этих событий ни Пушкин, ни его лицейские товарищи не принимали личного участия, и тем не менее историческая жизнь тех лет в такой мере была частью их личной биографии, что Пушкин имел полное основание сказать: «Мы жгли Москву». «Мы» народное, «мы» лицеистов («Мы возмужали...» в том же стихотворении) и «я» Пушкина сливаются здесь в одно лицо участника и современника Исторической Жизни.

Через полгода после рождения Пушкина, 9 ноября 1799 года (18 брюмера VIII года Республики), вернувшись неожиданно из Египта, генерал Бонапарт произвел государственный переворот. Первый консул, пожизненный консул и, наконец, император Наполеон, он оставался во главе Франции до военного поражения и отречения в 1814 году. Затем, через несколько месяцев, он на 100 дней восстановил свою власть и в 1815 году, после разгрома под Ватерлоо, был сослан на остров Св. Елены. Годы эти были для Европы временем непрерывных сражений, в которые начиная с 1805 года была втянута и Россия.

Почти в те же годы на другом конце Европы, в Петербурге, в ночь с 11 на 12 марта 1801 года тоже произошел государственный переворот: группа дворцовых заговорщиков и гвардейских офицеров ворвалась ночью в спальню Павла I и зверски задушила его. На престоле оказался старший сын Павла, двадцатичетырехлетний Александр I.

Вследствие этих бурных исторических событий молодежь начала XIX века привыкла к жизни на бивуаках, к походам и сражениям. Смерть сделалась привычной и связывалась не со старостью и болезнями, а с молодостью и мужеством. Раны вызывали не сожаление, а зависть. Вспомним, как писал Пушкин о вожде греческого восстания А. Ипсиланти: *«Отныне и мертвый или победитель принадлежит истории – 28 лет, оторванная рука, цель великодушная! – завидная участь»*. Не только «цель великодушная» – борьба за свободу, – но и оторванная рука (генерал русской службы Ипсиланти потерял руку – ее оторвало ядром – в сражении с Наполеоном под Лейпцигом в 1813 году) может, оказывается, стать предметом зависти, если она вводит человека в Историю.

Едва успевая побывать между военными кампаниями дома – в Петербурге, Москве, родительских поместьях, – молодые люди в перерыве между походами не спешили жениться и погружаться в светские удовольствия или семейственные заботы: они запирались в своих кабинетах, читали политические трактаты, размышляли над будущим Европы и России. Жаркие споры в дружеском кругу влекли их больше, чем балы и дамское общество.

Грнула, по словам Пушкина, «гроза 1812 года». За несколько месяцев Отечественной войны русское общество созрело на десятилетия! Ю.М. Лотман приводит письмо от 15 августа 1812 года (еще Москва не была сдана!) одной образованной светской дамы М.А. Волковой своей подруге В.И. Ланской: *«Посуди, до чего больно видеть, что злодеи вроде Балашова (министр полиции, доверенное лицо Александра I. – Ю.С.) и Аракчеева продают такой прекрасный народ! Но уверяю тебя, что ежели сих последних ненавидят в Петербурге так же, как и в Москве, то им не сдобровать впоследствии»*.

Война закончилась победой России. Молодые корнеты, прапорщики, поручики (как писал Пушкин), *которые, пусться в пятнадцать лет на волю, привыкли в трех войнах лишь к лагерю да к полю*, – вернулись домой израненными боевыми офицерами, сознававшими себя активными участниками Истории и не хотевшими согласиться с тем, что будущее Европы должно быть отдано в руки собравшихся в Вене монархов, а в России – в жесткие капральские руки Аракчеева.

Невозможность вернуться после Отечественной войны 1812 года к старым порядкам широко ощущалась в обществе, пережившем национальный подъем. Острый наблюдатель, лифляндский дворянин Т. фон Бок писал в меморандуме, поданном Александру I: *«Народ, освещенный заревом Москвы, – это уже не тот народ, которого курляндский конюх Бирон таскал за волосы в течение десяти лет»*. Характерен замысел трагедии «1812 год», который позже обдумывал А.С. Грибоедов:

основным героем пьесы должен был стать крепостной, герой партизанской войны, который после победы должен «вернуться под палку господина». Не выдержав возврата «прежних мерзостей» (по Грибоедову), герой кончал самоубийством.

Стремление не допустить возвращения «прежних мерзостей» «века минувшего» (выражение Чацкого) было психологической пружиной, заставлявшей вернувшихся с войны молодых офицеров, рискуя будущим, отказываясь от радостей молодости и блестяще начатой карьеры, вступать на путь политической борьбы. Связь между 1812 годом и освободительной деятельностью подчеркивали многие декабристы. М. Бестужев-Рюмин, выступая на конспиративном совещании, говорил: «Век славы военной кончился с Наполеоном. Теперь настало время освобождения народов от угнетающего их рабства, и неужели Русские, ознаменовавшие себя столь блистательными подвигами в войне истинно Отечественной – Русские, исторгшие Европу из-под ига Наполеона, не свергнут собственного ярма?»

В 1815 году в России возникли первые тайные революционные общества. 9 февраля 1816 года несколько гвардейских офицеров, участников Отечественной войны, в возрасте двадцати – двадцати пяти лет учредили Союз Спасения, открыв тем самым новую страницу в истории России. Победителям Наполеона свобода казалась близкой, а борьба и гибель за нее – завидными и праздничными.

В книге «Восстание декабристов», которую я по совету С.С. Гейченко полистал, приведе-

ны слова находившегося в каземате сурового Пестеля, обращенные не к единомышленникам, а к судьям и палачам; эти слова преисполнены упоением свободой: *«Я сделался в душе республиканец и ни в чем не видел большего Благоденствия и высшего Блаженства для России, как в республиканском правлении. Когда с прочими членами, разделяющими мой образ мыслей, рассуждал я о сем предмете, то, представляя себе живую картину всего счастья, коим бы Россия, по нашим понятиям, тогда пользовалась, входили мы в такое восхищение и, сказать можно, восторг, что я и прочие готовы были не только согласиться, но и предложить все то, что содействовать бы могло к полному введению и совершенному укреплению и утверждению сего порядка вещей»*.

Число членов тайного общества быстро росло, и в 1818 году оно было реорганизовано в Союз Благоденствия — конспиративную организацию, рассчитывавшую путем влияния на общественное мнение, давления на правительство, проникновения на государственные посты, воспитания молодого поколения в духе патриотизма, свободолюбия, личной независимости и ненависти к деспотизму подготовить Россию к коренному общественному преобразованию, которое предполагалось провести через десять — пятнадцать лет.

Влияние Союза Благоденствия было широким и плодотворным: в безгласной России члены Союза Благоденствия вводили гласность. На балах и в общественных собраниях они открыто обсуждали правительственные действия, выводили из мрака случаи зло-

употребления властью, лишая деспотизм и бюрократию их основного оружия — тайны. Декабристы создали в русском обществе не существовавшее дотоле понятие — общественное мнение. Именно оно обусловило то новое в России положение, о котором А.С. Грибоедов устами Чацкого сказал: *«...нынче смех страшит, и держит стыд в узде»*.

Однако широкий размах деятельности и установка на гласность имели и слабые стороны: Союз Благоденствия разбухал от случайных попутчиков, а конспирация свелась почти на нет. К 1821 году правительство уже имело в руках ряд доносов, дававших обширную информацию о тайном обществе. Сведения эти тем более встревожили императора, что утвердившийся после падения Наполеона реакционный порядок Священного союза европейских монархов трещал и рушился. Революции в Испании и Неаполе, волнения в немецких университетах, греческое восстание, волнения в Семеновском полку в Петербурге, бунт в военных поселениях в Чугуеве под Харьковом — все это настраивало русское правительство на панический лад. Начались репрессии. Были разгромлены Казанский и Петербургский университеты (после инквизиторского следствия были уволены лучшие профессора, преподавание ряда наук вообще было запрещено), усилились цензурные гонения, из Петербурга были высланы Пушкин и, немного позднее, поэт и декабрист Катенин.

Собравшийся в этих условиях в 1821 году в Москве нелегальный съезд Союза Благоденствия, узнав о том, что правительство имеет полные списки заговорщиков,

объявил тайное общество ликвидированным. Но то был лишь тактический шаг: на самом деле вслед за первым решением последовало второе, которое восстанавливало Союз, но на более узкой и более конспиративной основе. Восстановление однако происходило негладко: тайное общество раскололось географически – на Юг и Север, политически – на умеренных, покидавших его ряды, и решительных, в основном молодежь, сменявшую лидеров первого этапа декабризма. В такой обстановке организационного развала казалось, что правительство одержало победу. Ан нет! Загнанное вглубь общественное недовольство лишь крепче пустило корни, и к 1824 году и Южное и Северное общества декабристов вступили в период новой политической активности и начали подготовку военной революции в России.

19 ноября 1825 года в Таганроге неожиданно скончался Александр I. Декабристы давно уже решили приурочить начало восстания к смерти царя. 14 декабря 1825 года в Петербурге на Сенатской площади была сделана первая в России попытка революции. Картечные выстрелы в упор, разогнавшие мятежное каре, возвестили неудачу восстания и начало нового царствования и новой эпохи русской жизни.

Ю.М. Лотман пишет: «Николай I начал свое правление как ловкий следователь и безжалостный палач: пятеро руководителей движения декабристов были повешены, сто двадцать – сосланы в Сибирь в каторжные работы. Новое царствование началось под знаком политического террора: Россия была отдана в руки политической тайной полиции: учрежденная

машина сыска и подавления – третье отделение канцелярии императора и жандармский корпус – представляли как бы глазок в камере, через который царь наблюдал за заключенной Россией. Место грубого и малограмотного Аракчеева заняли более цивилизованные, более образованные, более светские Бенкендорф и его помощник Дубельт. Аракчеев опирался на палку, правил окриком и зуботычиной – Бенкендорф создал армию шпионов, ввел донос в быт. Если декабристы стремились поднять общественную нравственность, то Бенкендорф и Николай I сознательно развращали общество, убивали в нем стыд, преследовали личную независимость и независимость мнений как политическое преступление».

Все исследователи декабристского движения, среди которых ведущую роль занимает историк академик М.В. Нечкина, и пушкиноведы сходны в следующем: Николай I видел свою божественную, как он считал, миссию в том, чтобы «подморозить» Россию и остановить развитие духа свободы во всей Европе. Он стремился подменить жизнь циркулярами, а государственных людей – безликими карьеристами, которые помогали бы ему создавать декорацию мощной и процветающей России. Но историческое отрезвление было, как известно, горьким.

В обществе в эти годы зрели и укреплялись здоровые силы. Вся мощь национальной жизни сосредоточилась в русской литературе, «солью» которой остается сатира, возбуждающая смех одних и негодование других, озаряющая радостью чистых сердцем и наводящая страх разоблачения на тех, кто погряз в пороках.

Такова была эпоха Пушкина.

Погибнув на дуэли, Пушкин (как и декабристы) победил своих врагов нравственно. Они были не только опозорены – Пушкин обнажил их ничтожество. Именно это чувство выразил замечательный русский поэт Алексей Кольцов, назвавший Пушкина «простреленным солнцем»:

Не осилили
Тебя сильные,
Так дорезала
Осень черная...

...С богатырских плеч
Сняли голову –
Не большой горой,
А соломинкой...

Как известно, тело поэта по личному приказу царя было тайком перевезено в Святые Горы под Псковом, где предано земле без всяких почестей...

Но Пушкину это было уже все равно: для него началась новая жизнь – жизнь в бессмертии русской культуры.

К статье Ольги Гультяевой «Про ишимских дня»

